

Ольга Ивановна Грейгъ

Сталин мог ударить первым

Серия «Исторические сенсации»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6372997

Сталин мог ударить первым: ООО "Алгоритм-Книга"; Москва; 2010

ISBN 978-5-6994-1154-2

Аннотация

Автор – человек, занимавший ответственный пост в органах советской власти, – в своей книге впервые раскрывает неизвестные страницы Второй мировой войны. Существовал ли сталинский план превентивного удара по нацистской Германии «Гроза»? Каковы были цели и задачи Черноморского флота в соответствии с ним, и почему в годы войны морякам ЧФ довелось воевать большей частью на суше, а не на море? Эти вопросы рассматриваются автором с разных позиций. Открытием для читателя станут и откровения генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна, с которым автору лично довелось неоднократно встречаться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	49
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ольга Грейгъ Сталин мог ударить первым

Глава 1

«Считать войну неизбежной...»

По окончании войны 1941–1945 гг. Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР И. В. Сталиным был издан приказ от 22 июля 1945 года в честь Дня Военного флота, где есть такие слова: *«В период обороны и наступления Красной Армии наш флот надежно прикрывал фланги Красной Армии, упоравшиеся в море, наносил серьезные удары по торговому флоту и судоходству противника и обеспечил бесперебойное действие своих коммуникаций. Боевая деятельность советских моряков отличалась беззаветной стойкостью и мужеством, высокой боевой активностью и высоким мастерством. Моряки подводных лодок, надводных кораблей, морские летчики, артиллеристы и пехотинцы восприняли и развили все ценное из вековых традиций русского флота... На Балтийском, Черном и Баренцевом морях, на Волге, Дунае и Днепре советские моряки за четыре*

года войны вписали новые страницы в книгу русской морской славы. Флот до конца выполнил свой долг перед Советской Родиной». И этими словами подчеркивается высокая оценка действий всех моряков советского Военно-морского флота (ВМФ).

В приказе говорится, что флот *надежно прикрывал фланги* нашей армии, *наносил серьезные удары* по врагу и вообще отличался высоким мастерством.

Но так ли это?!

Рассмотрим это на примере не всего советского ВМФ, а в части, касающейся сил Черноморского флота (ЧФ). Кстати, любопытно, что при столь высокой оценке действий в минувшей войне всего ВМФ только два командующих флотами из четырех были удостоены Золотых Звезд Героев Советского Союза, а именно – командующий Черноморским флотом адмирал *Филипп Сергеевич Октябрьский* (наст. Иванов) и командующий Тихоокеанским флотом адмирал *Иван Степанович Юмашев* (флот которого показал высокие результаты в боях против Японии в Дальневосточной кампании осенью 1945 года под главным командованием кавалера двух орденов «Победа», дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского). Другие же командующие флотов, и в частности, Северного, адмирал Арсений Григорьевич Головкин, который силами вверенного флота действительно обеспечивал охрану коммуникаций по доставке конвоями союзников воору-

жений, боеприпасов, боевой техники и стратегического сырья, – подобной награды не получили! Как и командующий Балтийским флотом адмирал Владимир Федорович Трибуц.

Следует добавить, что единственный из членов Военного совета времен Второй мировой войны, удостоенный звания Героя Советского Союза, также служил на Черноморском флоте – это вице-адмирал *Николай Михайлович Кулаков*. Также стоит вспомнить армейского военачальника, получившего звезду Героя, генерал-майора *Ивана Ефимовича Петрова* (впоследствии генерала армии), командовавшего во время обороны Севастополя в 1941–1942 годах Отдельной Приморской армией. А также дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта *Павла Ивановича Батова* (впоследствии генерала армии), командовавшего в дни обороны Севастополя 9-м Особым стрелковым корпусом.

Описывая и анализируя события тех затянувшихся трагических месяцев 1941–1942 годов в Крыму и Севастополе, следует обратить пристальное внимание не только на командование и Военный совет ЧФ, но и на армейских военачальников, руководивших действиями советских войск на Крымском полуострове.

И, значит, коснемся деятельности трех командующих войсками, державших оборону на Керченском полуострове. Среди героев книги будут командующий Крымским фронтом, заместитель наркома ВМФ, вице-адмирал *Гордей Иванович Левченко*; представитель Ставки Верховного Главно-

командующего, армейский комиссар 1-го ранга *Лев Захарович Мехлис*; главнокомандующий войсками Южного направления (направления в целом, а не фронта!) Маршал Советского Союза *Семен Михайлович Буденный*; его заместитель по морской части, первый заместитель наркома ВМФ – начальник Главного морского штаба адмирал *Иван Степанович Исаков* (впоследствии адмирал флота Советского Союза).

На протяжении всего авторского исследования действий ЧФ в начальном периоде войны, несомненно, будет вестись разговор о героизме моряков ЧФ и подразделений Красной армии, действовавших в этом регионе. Но наряду с этим будет проанализировано и имевшее место нежелание советских матросов и солдат, командиров и политработников обоих видов Вооруженных сил воевать за чуждые им интересы. Что, несомненно, в какой-то (скажем прямо: в значительной) мере предопределило характер и направленность действий сил флота. Прежде всего, следует указать, что главное командование ВМФ во главе с талантливым флотоводцем адмиралом *Николаем Герасимовичем Кузнецовым* (впоследствии адмирал флота Советского Союза) отчетливо осознавало, что основную деятельность по осуществлению разгрома противника придется вести армейским силам, тогда как флот должен будет выполнять второстепенную, вспомогательную роль.

Для того чтобы понять многие нюансы интересующей нас

темы, надо бы показать отношения наркома ВМФ и командующего ЧФ в то сложное для этих людей время. Именно так – умышленно не подчеркивая привычное *«сложное время для страны»*, а оставляя *«сложное время для этих людей»*. Что связано со многими психологическими и социальными факторами, под влиянием которых оказались два главных героя, имевших самое непосредственное отношение к сражениям за черноморскую твердыню. При этом наркому пришлось в чрезвычайно сложных условиях управлять не только одним Черноморским флотом, но тремя совершенно разными флотами, находившимися в противоположных географических широтах.

Военные историки послевоенной поры считают, что наиболее эффективной формой поддержки сухопутных войск была *высадка морских оперативных и тактических десантов*, которых за годы войны было осуществлено в общей сложности 123. Во всех десантах участвовало более четверти миллиона человек, что в среднем составляет около 25 стрелковых дивизий тогдашней РККА. Высадку же этих соединений обеспечивали более 3000 боевых кораблей и вспомогательных судов, почти 10 000 самолетов. Немалую роль в условиях войны играли морские перевозки. Важно это было на севере, после того как противник умелым маневром перерезал Октябрьскую железную дорогу, ее мурманское направление. Важно было и на Балтике, во время обороны Ханко,

Моонзундских островов и Ленинграда, и на Черном море, в период обороны Одессы, Севастополя и Кавказского побережья. Тогда силами ВМФ было перевезено около 120 млн. тонн грузов и примерно 10 млн. человек.

Существенный вклад в обеспечение деятельности приморских флангов внесли *морская авиация и артиллерия*. Летчики за период войны совершили около 75 000 самолетовылетов, уничтожили 1,5 тысячи танков и множество другой боевой техники и вооружений на всех флотах. Морскую артиллерию можно уверенно отнести к огневому щиту военно-морских баз за счет ее дальнобойности и разрушительной силы снарядов.

Военные историки считают, что именно война выдвинула в число талантливых военачальников таких адмиралов, как Н. Г. Кузнецов, И. С. Исаков, А. Г. Головкин, Л. А. Владимирский, Ф. С. Октябрьский, В. Ф. Трибуц, И. С. Юмашев; это из категории руководства ВМФ и командующих флотами.

К 22 июня 1941 г. в составе советских ВМФ числилось более 500 надводных кораблей и боевых катеров, 218 подводных лодок, более 2,5 тысячи самолетов и свыше 2000 орудий береговой и зенитной артиллерии. Все эти силы были дислоцированы по четырем изолированным друг от друга театрам военных действий (ТВД). При этом – система базирования и судоремонта не развита, возможности по осуществлению межтеатрового маневра ограничены.

Если с 1927 года в СССР шло восстановление и окончание строительства кораблей, заложенных еще до 1917 года, то в 1937-м в основном строили подлодки и малотоннажные боевые корабли. Начиная с 1938 года началось строительство морского и океанского флота. Что вписывалось в государственную программу подготовки к наступательной войне против вероятного противника. Но действия политических сил Германии и ее нападение на СССР сорвали реализацию планов по строительству большого флота.

К началу немецкой агрессии в постройке находилось 219 боевых кораблей, из которых: 3 – линейных, 3 – тяжелых крейсера, 9 – крейсеров, 47 – лидеров и эскадренных миноносцев и 91 подлодка.

Организационно советский флот состоял из Северного, Балтийского, Черноморского, Тихоокеанского флотов и Амурской, Каспийской и Пинской военных флотилий. ВМФ СССР был подчинен непосредственно народному комиссару ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову, а в оперативном отношении – народному комиссару обороны страны Маршалу Советского Союза Семену Константиновичу Тимошенко.

После вторжения германского вермахта был сформирован Главный Военный Совет ВМФ под председательством адмирала Н. Г. Кузнецова. Благодаря таланту этого военно-морского начальника на флотах была внедрена разработанная им и сразу же блестяще отработана система оперативных готовностей, которая позволяла в очень сжатые сроки

перевести силы флота с мирной учебы в полную боевую готовность; причем сделать все в соответствии с жесткими требованиями уставов и самого наркома ВМФ не только нанести превентивный стратегический удар по всему МВД ВМФ СССР, но и встретить нападение противника, что, несомненно, является уникальным шагом Николая Герасимовича; ибо ни один советский военачальник не додумался готовить вверенные ему особые военные округа, армии, корпуса и дивизии *к обороне*. Ведь в соответствии со стратегическим планом «Гроза» Красная армия должна была нанести фронтальный удар от Балтики до Черного моря по Европе, не обороняться, а наступать. Благодаря Николаю Герасимовичу Кузнецову ВМФ имел четкие установки по вопросу применения сил флота в перспективе любой войны, будь она наступательной или оборонительной. *«Для меня бесспорно одно: И. В. Сталин не только не исключал возможность войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал неизбежной... И. В. Сталин вел подготовку к войне – подготовку широкую и разностороннюю, исходя из намеченных им самим... сроков».* Эти слова есть в книге Н. Г. Кузнецова «Накануне».

К началу войны подобные взгляды были конкретизированы и закреплены в руководящих оперативно-тактических документах «Боевой устав Морских сил РККА» 1937 г. и «Временные наставления по ведению морских операций» 1940 г. Именно благодаря этим документам, и особенно по-

следнему, Н. Г. Кузнецовым была осуществлена подготовка флотов к войне за несколько часов!

Очевидно, следует остановиться на пояснении документов, которые регламентируют ту или иную готовность флотов к действиям. Николай Герасимович считал чрезвычайно важным, чтобы командующие флотами и соответствующие командиры соединений и кораблей четко представляли, *что* следует понимать под «готовностью № 3», «готовностью № 2», «готовностью № 1».

«Готовность № 3» – обычная готовность кораблей и частей, находящихся в строю, т. е. в первой линии. Тогда как первая линия – это корабли, готовые участвовать в морских баталиях, а не те, что находятся в доке, у причала или в ремонте на заводе. В случае «готовности № 3» экипажи кораблей занимаются повседневной боевой подготовкой, живут обычной жизнью, но сохраняют запасы топлива, держат в исправности и в готовности оружие и механизмы корабля.

«Готовность № 2» – намного выше предыдущей. Ибо корабли пополняют все необходимые запасы, еще и еще раз приводят в порядок материальную часть, устанавливают особое дежурство по корабельному расписанию, увольнения на берег всего личного состава сводятся до крайнего минимума, причем это касается и матросов, и командиров. Личный состав остается на местах. В таком состоянии корабли могут пребывать длительное время, хотя от личного состава при этом потребуется определенное напряжение нравственных и

физических сил.

И, наконец, самая высшая «готовность № 1», которая об­ является, когда абсолютно ясно, что обстановка является крайне опасной и поворот к мирному времени практически исключен. Все оружие и механизмы боевого корабля долж­ ны быть способны немедленно вступить в действие, а весь личный состав обязан находиться на боевых постах и выпол­ нять приказы командира корабля в соответствии с уставом: точно, беспрекословно и в жестком лимите времени. Полу­ чив условный сигнал, каждый боевой корабль и каждая часть сил флота действуют по имеющимся у них инструкциям, ко­ торыми предусматриваются вскрытие особых пакетов пра­ вительства, где указаны время и выход к месту боевых дей­ ствий.

Н. Г. Кузнецов провел немало времени на каждом из фло­ тов, осуществляя проверки и учения. Эти проверки вскрыли массу недоработок в подготовке сил и средств четырех фло­ тов к наступательным сражениям. К оборонительным ме­ роприятиям ВМФ не готовился. Год понадобился наркому, чтобы флоты научились быстро и точно переходить на повы­ шенную готовность, на «готовность № 1». Пришлось прове­ сти огромную работу в штабах, на кораблях и в частях. Борь­ ба шла не только за часы, за минуты, но и за секунды – с мо­ мента подачи сигнала до получения доклада командования о готовности флота.

Глава 2

Кто владеет морем и миром

...Как-то возвращаясь с одного из заседаний у Сталина, Кузнецов поймал себя на мысли: а не лучше ли отказаться от запланированных совместно с войсками Одесского особого военного округа учений ЧФ на Черном море?

Николай Герасимович, знавший так много, все же знал далеко *не все*; однако он понимал, что прошедший май 1941 года и наступивший июнь для руководства страны были чрезвычайно сложным временем в плане международных отношений с рядом государств Европы, с США, и в особенности с союзником – Германией. В сознание Николая Герасимовича неоднократно закрадывалась крамольная мысль, что это союзничество рано или поздно до добра не доведет. Мучая и истязая себя сомнениями, адмирал, находясь по делам у начальника Генштаба Красной армии Маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова, спросил:

– Скажите, Борис Михайлович, каково в планах Генштаба участие флотов на случай планируемых стратегических операций нашей Красной армии в возможном недалеком будущем?

Шапошников, слушая его, тактично прикрыл чистыми листами бумаги некоторые лежавшие у себя на столе докумен-

ты и негромко, с хрипотцой в голосе ответил:

– Не спешите, голубчик. Вы в свое время получите все необходимые распоряжения. А сейчас я более вас не задерживаю, у меня много работы.

Так и не получив удовлетворительного ответа, адмирал, возвратившись в свой кабинет, вновь допустил мысль, что ВМФ страны будет играть далеко не ту роль, которую он, как руководитель флота, представлял себе, изучая историю Русского флота со времен Петра Великого. Это острое чувство несправедливой непричастности Николай Герасимович особенно остро почувствовал не тогда, когда вступил в должность наркома ВМФ, а в те крайне напряженные майские и июньские дни 1941 года.

Его не терзало чувство страха или уныния, даже незнание возможного развития дальнейших событий не застало адмирала врасплох, ведь он пытался просчитать их сам, конечно, насколько это возможно. Его беспокойство на данном этапе сводилось к главному: достаточно ли сделано для того, чтобы все четыре флота ВМФ были максимально готовы к тому, чтобы мгновенно отреагировать на то, о чем расплывчато и многозначительно сказал маршал Шапошников «... *все в свое время*»?

Впрочем, адмирал не сомневался, что в скором времени силы флотов должны будут выйти в океан. Это при условии, если будут достроены, пройдут ходовые и государственные испытания и введены в боевой строй первой линии линкоры,

тяжелые крейсера, крейсера, лидеры, эсминцы и подлодки. На все это нужно будет еще как минимум от 6 месяцев до 1,5 лет. Но даже те силы флота, которые имеются в наличии на июнь 1941 года, способны лишь частично участвовать в грандиозных замыслах Сталина и его первых военных руководителей. А то, что замыслы существуют, понятно без слов.

Кузнецову вспомнился разговор у Сталина, связанный с гибелью подводной лодки «Д-1» – «Декабрист». Она была первенцем советского подводного кораблестроения и головным кораблем из серии в шесть единиц, носящих революционные имена от «Народовольца» до «Якобинца». Именно с ПЛ «Д-1» была развернута крупномасштабная для мирного времени программа подводного кораблестроения, когда менее чем за 10 лет было построено 250 подлодок разных проектов. Поэтому гибель головного корабля этой программы воспринималась очень болезненно. Сталин приказал искать лодку и сам же позвонил Головкину, продублировав собственный приказ. Тогда Кузнецов в присутствии начальника ГМШ адмирала Галлера (уже отстраненного от должности, но еще не передавшего дела адмиралу Исакову) доложил, что, скорее всего, произошла какая-то роковая ошибка или просчет, допущенный командиром лодки капитан-лейтенантом Ельтищевым. В результате он не справился с управлением и не сумел удержать лодку на предельной глубине, и ее раздавило давлением воды.

– Па-а-ачему не справился? – Сталин заговорил с резким

грузинским акцентом, что говорило о надвигающемся раз-
носе.

Но, очевидно, собрав свою волю в кулак, он, пронизывая адмиралов жестоким взглядом, спокойно приказал начать тщательное расследование; и воздержался от «строгих оргвыводов». Кузнецову и Галлеру было «поставлено на вид», адмирал Головкин получил «строгий выговор». Воспользовавшись этим, адмиралы осмелились и перешли в контратаку, заявив Генсеку, что на флоте острая нехватка личного состава. Галлер попытался сказать, что весь мобилизационный резерв забирает Красная армия, а флоту... его тут же одернул за рукав Кузнецов. Но Сталин, явно услышавший слова отстраненного начальника ГМШ, со свойственной ему гениальностью решил вопрос, словно и не заметив выпада: *специалистам срочной службы увеличить срок службы на флоте до 5 лет!* А в случае, когда придет время увольнения сразу двух возрастов, *увеличить до 7 лет.*

Тогда же был поднят вопрос об острой *нехватке командного состава*. Военно-морские училища не успевали за стремительной программой кораблестроения. Остро не доставало командиров подводок, строящихся массовыми сериями. Вожь приказал осуществить *тайную мобилизацию* капитанов и комсостава торгового флота, пропустив их через курсы переподготовки. На специальные курсы подводников направлялись и командиры расформированных кавалерийских частей. Но, несмотря на это, количество военно-морских

училищ не увеличивалось с 1937 г.

Тогда же Сталин заговорил о программе военного кораблестроения и жестком контроле за графиком ее выполнения. К концу 1946 г. планировалось построить 16 линкоров, 16 линейных крейсеров, 2 авианосца, 28 легких крейсеров, 20 лидеров, 144 эсминца, 96 сторожевиков, 204 тральщика, 408 подлодок. Адмиралов поразила такая программа: как обеспечить эту гигантскую армаду личным составом?! Адмирал Галлер в свойственной ему интеллигентной манере попытался объяснить вождю, почему пробуксовывает судостроительная программа. Это, по его мнению, объясняется отсутствием плановых поставок оборудования и оружия для кораблей заводами различных отраслей. Галлер являлся сторонником грандиозной сталинской программы создания сверхмощного флота, с помощью которого *вождь всех времен и народов* стремился достичь окончательной победы над империалистами. И сталинское решение о временном прекращении закладок новых кораблей болезненно было воспринято Галлером. Сталин понимал, что сроки выполнения программы никак не соответствуют срокам операции «Гроза». Потому посчитал необходимым на короткий срок свернуть программу, а Галлера снять с должности и заменить более близким ему по духу адмиралом Исаковым, который к 1917 году успел дослужиться только до мичмана, тогда как Галлер уже был капитаном 1-го ранга, так что имел опыт познания иной жизни и иного флота, да к тому же еще и немецкую кровь в своих

венах.

В середине октября Сталин сказал Кузнецову:

– Мне кажется, что Галлера на посту начальника Главного морского штаба следует заменить Исаковым.

Слова вождя «мне кажется...» никогда не имели иного смысла, кроме как директивного или приказного.

– Галлер – хороший исполнитель, но не достаточно волевой человек, да и оперативно Исаков подготовлен, пожалуй, лучше, – пояснил вождь.

Большой ерунды, что адмирал Исаков «лучше оперативно подготовлен», чем Галлер, сложно было придумать. Кузнецов вздохнул, но не осмелился возразить. Однако спросил:

– Что будем делать с адмиралом Галлером?

– Мы подумаем, – ответил лаконично вождь.

Последняя фраза Сталина «Мы подумаем» испугала наркома, он уже достаточно хорошо изучил вождя и учителя, и сделал последнюю попытку спасти опального адмирала.

– Товарищ Сталин, – сдавленным голосом произнес Кузнецов, – адмирал Галлер в настоящее время незаменим в руководстве наркомата ВМФ, который вы вверили мне.

– Незаменимых людей нет! – отрезал Генсек любимой фразой с сильным грузинским акцентом, который следовало расценить, что адмирал зашел слишком далеко...

– На флоте...

Но Сталин резко прервал и приказал идти к себе.

Да, Николай Герасимович знал многое, но *не все*. Особен-

но в части того, что Черноморский флот должен был обеспечить полное господство на Черном море, закрыть Босфор и не допустить перехода на театр военных действий (ТВД) Черного моря каких-либо соединений враждебных флотов. Предусматривалось с помощью 9-го Особого стрелкового корпуса уничтожить флоты Румынии и Болгарии, а если потребуется, то и Турции. Взаимодействуя с войсками Одесского и Закавказского военных округов, обеспечить их приморские фланги, перевозки и десантные операции.

Глубокой осенью, с 26 по 28 ноября 1940 г., уже проводились командно-штабные учения войск Одесского военного округа во главе с генерал-полковником Я. Т. Черевиченко. Где условно решались задачи (которые на деле будут поставлены в мае-июне 1941 г.). В его состав скрытно должна была быть введена самая крупная и мощная армия с порядковым номером «9». На учения был вызван командующий ЧФ вице-адмирал *Ф. С. Октябрьский*. Задачей округа, взаимодействующего с кораблями ЧФ и Дунайской флотилией, являлся оперативный захват портов от Констанцы до Варны комплексными ударами с суши и моря с последующим выходом на болгаро-турецкую границу.

Ознакомившись с результатом прошедших войсковых и флотских игр, вождь обратил внимание на то, что даже в теории взаимодействие между различными родами войск оставляет желать лучшего... а на практике никакого взаимодей-

ствия, скорее всего, и нет, а есть лишь бездарные потуги. В этом вождь был прав, несмотря на то, что не обладал достаточным военно-стратегическим кругозором. Все три вида Вооруженных сил, раздутые на сталинских дрожжах до гигантских размеров, превращались в грозные и одновременно какие-то потешно-аморфные структуры, не желающие иметь друг с другом никаких дел.

Тогда как гигантская пирамида жесткой подчиненности и строжайшей личной ответственности, выстроенная Сталиным и смыкающаяся в его кремлевском кабинете, предполагала четкое взаимодействие всех родов Вооруженных сил.

Ближайший военный советник Генсека Б. М. Шапошников делал максимум возможного, чтобы решить эти проблемы. После его освобождения с поста начальника Генерального штаба назначенный на этот пост генерал армии К.А. Мерцков, в эйфории от гигантского числа войск и боевой техники Красной армии, совершенно забыл о «ничтожных» военно-морских флотах. А если и вспоминал о них, то только когда требовалась доставка войск и боевой техники. Даже артиллерийская поддержка с кораблей была отнесена к разряду неэффективной по опыту войны с Финляндией. По его мнению, у флота какие-то свои автономные планы, которые, кстати говоря, на самом флоте никто не знает, поскольку они полностью существуют только в сознании товарища Сталина.

В некотором роде так оно и было: вождь лелеял свои заветные планы. *«Кто владеет морем – тот владеет миром»*, – писал адмирал Мэхэн; в этом американский военно-морской исследователь был абсолютно прав.

...Итак, Николай Герасимович полагал, что учения на Черноморском флоте совместно с войсками Одесского особого военного округа (ОдОВО) следует отменить; он поручил начальнику Главного морского штаба адмиралу И. С. Исакову позвонить в Генштаб и выяснить мнение по этому вопросу. Но Иван Степанович отвечал, что ему ничего не сообщили конкретного, что дало бы основания изменить план по части учений. В связи с этим нарком и адмирал Исаков приняли решение дать флоту указания держать оружие и корабли в полной готовности. Руководить учениями в Севастополь выехал Исаков.

Два адмирала договорились, что если обстановка примет чрезвычайный характер, то Исаков уже на месте даст указания командующему ЧФ использовать оружие и корабли флота. После отъезда Ивана Степановича Кузнецову позвонил нарком внутренних дел, Генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия и жестким тоном спросил: – Почему вы, товарищ Кузнецов, так безответственно относитесь к нашим партийным кадрам? Почему вы в помощь товарищу Исакову не послали группу работников Главного управления политической пропаганды? Вы что думаете, что

без контроля партии вы будете творить все, что вам вздумается?

Зная, что происходит в его окружении и подавляя в себе всякое эмоциональное желание высказаться, Николай Герасимович спокойно и твердо ответил:

– Товарищ Берия, я принял решение отправить на Черноморский флот группу работников Главного управления политпропаганды во главе с бригадным комиссаром Азаровым. Полагаю, эта кандидатура вас вполне удовлетворит.

– Хорошо, – миролюбиво ответил голос в трубке, – думаю, товарищ Сталин будет доволен вашим решением.

После чего все стихло, а затем раздался длинный зуммер. Николай Герасимович положил трубку на рычаг.

Глава 3

«Фундамент» армии и флота

Основой, фундаментом Красной армии и Военно-морского флота являлись политические органы ВКП(б). Поэтому армию и флот СССР июня 1941 года нельзя сравнивать с Русской армией, которая существовала в канун Первой мировой войны и являлась совершенно иным воинским формированием. Она сражалась за Отечество под православным крестом; а армия 1941 года, увенчанная пентаграммой, именуемой *красной звездой*, была своего рода армией богоборческой с самого своего зарождения. Создателями Красной армии были Лейба Давидович Бронштейн (известный как Лев Давидович Троцкий) и Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Красная армия, созданная в 1918 году, изначально представляла собой сборище уголовных авторитетов, палачей, дегенератов, психопатов, пьяниц, развратников и интернационалистов из Китая, Югославии, Венгрии и других стран мира, которым были чужды интересы русского народа и которые, будучи отвержены своими странами, пришли устроить свое благосостояние на крови русских людей и других подданных Российской империи. Чтобы такую «армию» держать в узде, необходимо в ее среде иметь огромную прослойку *стукачей*. Государство Троцкого и Ленина и создало эту прослойку

из дегенератов, развратников и рвачей. Все они были осведомителями если не комиссаров, так оперативных уполномоченных особых отделов НКВД-ГУГБ, которые также в основном состояли из евреев. И факт этот уже не оспаривается современными историками... *Такая армия – структурно, морально, психологически – может напоминать только уголовную группировку; она и должна жить по законам уголовников.*

Стукачество явилось стеновым хребтом советской идеологии в стране, которую большевики оккупировали с 1917 года, уничтожая православие и массово умерщвляя народонаселение. Без стукачества коммунизм невозможен ни в одной стране, ни в каком виде. Ибо сам коммунизм, пересказывая суть ленинских слов, создается на крови, на диктатуре, – с помощью чудовищной эксплуатации народа, который нужно постоянно держать в страхе. А страх поддерживается беспрестанной работой стукачей, доносящих на всех и вся. Именно стукачи являются законспирированной, тайной армией социалистического государства. Стукачи есть везде: в Вооруженных силах, на производстве, в науке, культуре, образовании, т. е. во всех отраслях и видах деятельности Советской страны. Стукачи нужны не только при ведении наступательной, но и при оборонительной войне, каковой стала война в связи с агрессией немецкого вермахта 22 июня 1941 г.

Но после начала военных действий огромные массы со-

ветских стукачей оказались по другую сторону фронта, в плену. Где... продолжали свою деятельность и добровольно предлагали свои подлые услуги гестапо. Но сотрудники немецкой тайной полиции не очень им доверяли. Тогда же этот столь долго и тщательно создаваемый потенциал советского стукачества обернулся в первую очередь против комиссаров и чекистов. Ведь кого им было сдавать врагу, как не *своих*?! Известно, что сына Сталина – старшего лейтенанта Красной армии Якова Джугашвили – в плену также сдали стукачи, которые до войны и в первые месяцы войны были его подчиненными.

Политработники Красной армии и флота структурно являлись номенклатурными работниками ЦК ВКП(б) и функционировали в качестве отдела ЦК партии в РККА и РККФ. А их руководитель – начальник Главного управления политической пропаганды, член ЦК ВКП(б), армейский комиссар 1-го ранга Запорожец – действовал на правах секретаря ЦК ВКП(б). Возглавлял карательные органы страны Л. П. Берия, но к тому времени с согласия Сталина карательные органы были над флотом, над армией и над рядом структурных подразделений ЦК ВКП(б). Сам Лаврентий Павлович в связи с главной задачей «*выявления врагов народа*» стал, пожалуй, самым близким советником по этим проблемам у вождя партии и государства товарища Сталина. А его политработники наряду с сотрудниками органов внутренних дел в

армии и на флоте стали надежной опорой в выявлении тех самых «врагов».

Кузнецов знал, что *Илья Ильич Азаров* получил инструкцию у наркома внутренних дел. Так вот, инструкция та заключалась в том, чтобы проводить работу с политработниками, научая их, что в случае начала войны каждый политработник должен применить личное оружие, если командир флота, получив приказ о вступлении в боевые действия, по каким-либо мотивам откажется его исполнять. Безусловно, для Николая Герасимовича сей приказ в отношении «непокорных» командиров не составлял особого секрета... Правда, спустя годы адмирал Азаров во всеуслышание говорил, что получил он инструкцию иного рода: рассказывать политработникам, что *«на случай нападения Германии приводится в готовность оружие...»*; между тем положение у Азарова тогда и впрямь было сложное. Дело в том, что *приводить оружие в готовность* следовало... после объявленного в прессе и по радио сообщения ТАСС от 14 июня 1941 г., категорически отвергавшего слухи о возможности войны, объявлявшего любые слухи провокационными.

В день заявления Советского правительства Николай Герасимович находился у Сталина. Доложив разведданные по флотам, нарком кратко рассказал и об учениях на ЧФ, и о том, что поставки с немецкой стороны в части, касающейся флота, а именно в строительстве крейсера «Лютцов», продолжаются. (Но в своей книге «Накануне» в угоду опреде-

ленным силам в стране он, мягко говоря, покривил душой, написав, что немцы тогда фактически прекратили поставки для крейсера «Лютцов»). И хотя адмиралу хотелось доложить, что немецкие транспорты покидают наши порты и не следует ли ограничить движение советских торговых судов в водах Германии, он промолчал, ожидая реакции вождя. Сталин не задавал никаких вопросов по готовности флотов, отчего нарком счел свое дальнейшее присутствие излишним и с разрешения хозяина покинул кабинет.

Возвращаясь в автомобиле, Николай Герасимович вновь поймал себя на мысли, что хотя это и не произнесено, однако Сталин не исключает возможности войны с Германией. Причем считает эту войну вероятной и неизбежной. И договор 1939 года Сталин рассматривает лишь как отсрочку.

«Всего через четыре дня после снятия Литвинова – 7 мая 1939 года – на торжественной церемонии выпуска слушателей военных академий Сталин выступил с краткой, но выразительной речью, в частности сказав: *«Рабоче-крестьянская армия должна стать самой агрессивной из всех когда-либо существовавших наступательных армий!»*»

...Но сколько дней дано ему, наркому, для этой отсрочки?

Глава 4

Игра сверхолигархов и политиков

Чтобы прояснить положение наркома ВМФ в майские-июньские дни 1941 года, следует вернуться на несколько лет назад, скажем, год эдак в 1927-й. Итак, Сталин твердо занял место на вершине большевистской пирамиды власти и начинает укреплять свою диктатуру, все более озабочаясь глобальными проблемами коммунистического движения и расширения своего влияния в мире. *Именно в том году Сталин делает вывод о неизбежности Второй мировой войны.* К этому его подталкивали заокеанские друзья, которые привели к власти его предшественника Ленина посредством денег и организацией Первой мировой войны. Сталин уже просчитал весь расклад, он, в отличие от оболваненных советских людей, прекрасно знал, что большевистская власть не взялась в этой великой стране *из ниоткуда*, не приплыла в руки рыжеволосого, картавого человечка, вспрыгнувшего на броневик... Тут были задействованы заокеанские финансовые воротилы, истратившие на кровавый переворот не только огромные потоки денег (куш был значительно жирнее!), но и долгие-долгие годы борьбы «исподтишка». Как свидетельствуют факты, с середины XVIII века, после того как центр мировой «революционной» организации, исполь-

зую подкуп и террор, стал добиваться тотальной гегемонии, развитие Истории, по сути дела, стало искусственным. Все войны отныне имели очевидные, всем известные, а значит, фальшивые цели и наряду с этим – истинные, те, которые тщательно скрываются от мировой общественности, но получившийся результат, или знаменитый гегелевский *синтез*, чаще всего и есть искомое, запланированное все той же мировой закулисой. Вот формула, хорошо знакомая всем советским людям со школьных парт: *тезис плюс антитезис равно синтез*; когда одной рукой создают и финансово подпитывают и тезис, и антитезис, то в конечном итоге получают то, что замыслили: синтез! Так, Первая мировая война имела своей скрытой целью ослабление монархических режимов, проведение так называемых пролетарских революций, насаждение преступной идеологии марксизма и, конечно, утверждение финансовой и политической гегемонии США.

Но и Сталин не лыком шит; он, вступив в игру сверхлигархов, сверхполитиков, составляющих тайную мировую закулису сверхизбранных – Орден (США) и Группу (Великобритания), – собирается выиграть, а для этого надо перестроить всю партию и всю необъятную страну даже не под *свои* правила, а под *свою Игру*...

1927 год – начало индустриализации СССР.

В начале *первой* пятилетки в сталинской армии было около 100 устаревших танков, а в конце ее – более 4000 новых!

Но приоритет не столько отдавался количеству вооружения, сколько созданию индустриальной базы, которая будет быстрыми темпами выпускать качественное вооружение.

Этим занималась уже *вторая* пятилетка. Тогда были созданы коксовые батареи, мартеновские печи, электростанции, построены кислородные заводы, прокатные станы и блюминги, увеличено количество шахт и рудников. Но производство средств войны – еще не главная задача Сталина, хотя за две пятилетки осуществлен существенный скачок в оснащении авиации и армии новыми видами вооружений.

Запланированная *третья* пятилетка должна была выпускать вооружение, боевую технику и боеприпасы в огромнейших количествах и высокого качества. А завершиться она должна в 1942 году; но кто полагает, что это так, тот... *ошибается*. Потому что у Сталина пятилетка могла быть выполнена с контрольными цифрами и за 3 года! Но коль написано для всех, что завершится в 1942-м, то и этот означенный и озвученный срок подразумевает свою конкретную цель.

Между тем Сталин предусматривает и планирует с помощью одного из своих самых одаренных ученых – военного теоретика Б. М. Шапошникова – стратегическую наступательную операцию под кодовым названием «Гроза».

Уникальный мозг Шапошникова на время словно бы стал второй частью мозга Сталина. *Борис Михайлович научным военным языком изложил то, что Сталин запланировал.* Не надо забывать и того факта, что Шапошников – участ-

ник разработки мобилизационного плана Русской армии в канун Первой мировой войны; он знал все изъяны того плана и учел их, имея в виду и новые обстоятельства, возникшие за десятилетия после Октябрьского переворота. И, согласно плану «Гроза», днем вторжения советских армий в Европу должно было стать 6 июля 1941 года.

А пятилетка, в соответствии с планируемыми целями, продолжает работать в военном русле и планомерно выполняет свои задачи по обеспечению армий вторжения Первого и Второго стратегических эшелонов вооружением, боеприпасами и всем остальным, необходимым для ведения агрессивной войны. Одновременно, в соответствии с тем же планом индустриализации страны, последние два года советский народ, совершая трудовые подвиги, работает и на Третий стратегический эшелон.

Параллельно с индустриализацией в СССР шла и коллективизация, т. е. установление коммунистического крепостничества на селе. *Цена этих двух плановых мероприятий с целью покорения Европы обошлась народам СССР почти в 15 миллионов человеческих жизней!* Но для вождя СССР то были не жертвы, а так, издержки производства.

И как именно тут, в этой главе, не привести одну за одной несколько кратких, но важных цитат из трудов серьезного исследователя Игоря Бунича; это для тех (а никак не для автора!), кто, начитавшись в свое время советской исторической литературы, любит уличать авторов в некомпетент-

ности и фальсификации. Итак, открываем книгу «Операция «Гроза». Кровавые игры диктаторов» (М., 2003). *«Нужно было создать высококвалифицированные инженерно-технические и рабочие кадры авиапромышленности. И создать все это из дикой и первобытной крестьянской массы. ...И не это даже главное, а то, что все это было создано менее чем за пять лет! ...Но это только авиация. А танки? Десятки тысяч танков требовали не одну сотню тысяч специалистов в самых разнообразных областях... Далее – флот! Самый сложный вид Вооруженных сил, требующий от личного состава мощного багажа технических знаний. Более двухсот подводных лодок – больше, чем у всех морских держав, вместе взятых, – было построено с 1933 по 1940 год, и каждая лодка имела два подготовленных экипажа»* (с. 19; здесь и далее выделено мной. – Авт.). «В августе и ноябре 1938 года в Ленинграде и Николаеве были заложены *два первых суперлинкора типа «Советский Союз»*. Специалисты жаловались на нехватку средств для строительства этих бронированных чудовищ. Но Сталин мягко сказал: «По копейке соберем, но построим сколько надо», как некогда Иван III о Московском Кремле: «По копейке соберем, но построим». ...Пока английский и германский флоты будут уничтожать друг друга, французская и немецкая армии будут заниматься этим же вдоль укрепленных линий Мажино и Зигфрида в бесполезных атаках и контратаках, теряя, как в прошлую войну, по 10 000 человек в день. И тогда, *для начала, мы заберем Бал-*

каналы и проливы. Возьмем просто голыми руками, назначив товарища Димитрова президентом Социалистической Балканской Федерации. *Заберем Прибалтику и Финляндию.* Это наши земли, утраченные по Брестскому договору. Как еще война в Польше пойдет? Там и решим по обстановке. Главное, чтобы ефрейтор не струсил!» (с. 52) И еще немного: «Для новой армии не годились и кадры гражданской войны... Для чего с такой поспешностью создавалась немислимо огромная армия, *в сотни раз превосходящая все пределы необходимой государственной обороны*, если даже сам Сталин в своих многочисленных речах отмечал растущий пацифизм в Европе, раздираемой противоречиями, потрясаемой кризисами и практически невооруженной? Вспомним цифры: *армия Франции* – 300 тысяч, включая колониальные формирования; *рейхсвер* – 150 тысяч и ни одного не то что танка, но даже броневика; *США* – 140 тысяч и рота (экспериментальная) бронеавтомобилей; *Англия* – 90 тысяч, разбросанные по всей империи; *СССР* – 2,5 миллиона и уже 4 танковых корпуса. ...На танкодромах под Казанью вкупе с секретно прибывшими офицерами рейхсвера отрабатывается тактика танковых клиньев. *Жаждающие реванша немцы – естественный союзник в будущем походе.* Коминтерн, опираясь на рабочие отряды и на давно перекупленный РОВС, быстро развалит их тылы, сделав организованное сопротивление невозможным... Огромная многомиллионная армия, «сверкая блеском стали», *откровенно готовится к «ярост-*

ному походу» (с. 20).

Но не мог об этом не то что все знать, а и догадываться занятый своими флотскими делами Николай Герасимович Кузнецов. То в качестве главного военно-морского советника он занимается войной в Испании, то вершит дела на посту командующего Тихоокеанским флотом, то исполняет обязанности первого заместителя наркома ВМФ, а фактически – осуществляет руководство флотом, и, наконец, его назначают на должность наркома флота.

Многое делалось Кузнецовым для того, чтобы соответствовать установкам, спускаемым маршалом Шапошниковым наркому флота по подготовке сил и средств к будущей войне. При этом нужно было укрепить не только флоты, но и флотилии – Дунайскую, Днепровскую, Пинскую, которые должны были действовать в перспективе по всему периметру наступления Красной армии. Так что сверхинтенсивного напряжения Николая Герасимовича хватало лишь на управление флотом, а не на переосмысление всех составляющих того, что происходит.

«Сталин колеблется. Огромная армия развернута вдоль западных границ. *На войну работает практически вся экономика огромной страны.* Секретные цифры сводок, лежащие на столе Сталина, обнадеживают и вдохновляют. Если еще два года назад военная промышленность выпускала ежегодно 1911 орудий, 860 самолетов и 740 танков, то уже к концу прошлого, 1938 года почти полностью переведен-

ная на военные рельсы экономика стала выдавать в год: 12 687 орудий, 5469 самолетов и 2270 танков. Готов уже новый закон о «Всеобщей воинской обязанности», который должен увеличить и так немислимую для мирного времени армию чуть ли не в три раза. ...Чудовищная для континентальной страны программа военного кораблестроения вызывает искреннее изумление всех морских держав. Более трехсот кораблей разных классов стоят на стапелях или достраиваются на плаву. Поток идут подводные лодки, число которых уже превысило количество находящихся в строю лодок США, Англии, Японии и Германии, вместе взятых! Заложены и в лихорадочном темпе строятся линкоры, линейные крейсера, легкие крейсера и эсминцы. ...Сталин доволен. Создано почти тройное военное преимущество над любой комбинацией возможных противников. Пожалуй, можно начинать. Начинать осторожно, постепенно, не зарываясь...» (с. 61–62).

В этом почти тройном преимуществе советских Вооруженных сил имелись поистине сверхуникальные формирования, речь о которых пойдет ниже и которые были задействованы в Крымской кампании 40-х годов XX века – в годы Второй мировой.

Глава 5

Это – одиум войны!

В нашем повествовании нельзя никак обойти вниманием объект, о котором не писали ни в эпоху СССР, ни в последующие годы. Между прочим, объект тот – один из сильнейших корпусов Красной армии! А существовало-то их, таких сверхмощных, всего два: *34-й стрелковый корпус*, командовать которым весной 1941 г. был назначен генерал-лейтенант Р. Хмельницкий, да *9-й Особый стрелковый корпус*. А всего в Красной армии на то время было 29 механизированных корпусов по 3 дивизии в каждом, 62 стрелковых корпуса по 3 дивизии (иногда – 4), 4 кавалерийских корпуса по 2 дивизии, 5 воздушно-десантных корпусов, 5 авиационных корпусов в составе ВВС по 3 дивизии и 2 корпуса ПВО. В мощном 34-м стрелковом корпусе было 5 дивизий.

Но нас интересует 9-й Особый стрелковый корпус, который был переброшен из Закавказского военного округа в Крым в начале июня 1941 г.; командовал им генерал-лейтенант *П. И. Батов*.

9-й Особый корпус – это высшее оперативно-тактическое соединение было уникальным по своему составу, вооружению и направленности боевой подготовки. Во время учений 18–19 июня 1941 года, которые так волновали Кузнецова,

Черноморский флот развернул свои силы совместно с одной из дивизий 9-го Особого стрелкового корпуса, который был оперативно подчинен командующему войсками Одесского особого военного округа. Дивизия корпуса была посажена на боевые корабли ЧФ и затем осуществила десант на побережье «противника». *Уникальность операции* проявилась не в том, что с кораблей высаживается десант, а что высаживается полнокровная дивизия, чего никогда в Красной армии еще не делалось.

Этим учениям Сталин уделял особое внимание, и проходили они под личным контролем ответственных работников Генштаба Красной армии, при этом со стороны наркомата ВМФ участвовал первый заместитель наркома – начальник ГМШ адмирал И. С. Исаков. А по поручению наркома внутренних дел от ЦК партии действия флота и частей дивизии корпуса координировал дивизионный комиссар И. И. Азаров.

При условии начала войны, согласно плану маршала Шапошникова, этот корпус должен воевать не на советской территории.

Уникальный 9-й Особый стрелковый корпус, подготовленный в горах Кавказа и имевший отборных солдат и командиров, проверенных политработников, в соответствии с планом «Гроза», должны высадить с боевых кораблей ЧФ на побережье Румынии и Болгарии; цель операции – перерезать транспортировку нефти в Европу. Захватив нефтяные тер-

миналы и месторождения, можно будет контролировать поставку нефти на Черном море в Советский Союз. К столь серьезной операции должны были привлечь эскадру ЧФ, а высадку обеспечить все вспомогательные силы флота.

Но где бы это самое крупное высшее соединение Красной армии впоследствии ни высадили, предусматривалось главное направление его боевых действий – порт Плоешти в Румынии. Все время в преддверии этих героически-пиршественных событий силами политотдела корпуса, а также сотрудников органов госбезопасности в соединении проводилась интенсивная работа по поднятию боевого духа личного состава, распространялись патриотические листовки, проводились пламенные беседы, в общем, осуществлялись жесткие установки доказать, что наступательный дух столь высок, и враг столь слаб, что будет сокрушен в считанные минуты... к тому же, убеждали все эти товарищи, враг плохо подготовлен к войне и давно не верит своим командирам и высшему военному командованию... Эта работа была осуществлена столь интенсивно, столь успешно, что, оказавшись вдруг в ситуации, вызванной нападением вермахта, – *не в роли наступающих, а в роли отбивающихся*, – части корпуса сразу же оказались сломленными морально; не умевшие воевать в обороне, солдаты чаще всего в ужасе разбегались и попадали под смертельный огонь своих же сограждан – под огонь подразделений НКВД, находившихся в их тылу.

Тогда, в июньские дни 1941 года, в Крым был высажен и 3-й воздушно-десантный корпус (ВДК) под командованием генерал-майора *В. А. Глазунова*, в состав которого входили развернутые управления, штаб, подразделения обслуживания, три воздушно-десантные бригады — 5-я, 6-я, 8-я, артиллерийский дивизион, отдельный танковый батальон из 50 плавающих танков; общее число солдат и офицеров 3-го ВДК 14 834 человека. Одновременно тогда же 3-й ВДК участвовал в учениях с разворачиванием боевого управления штаба корпуса и штабов бригад. С началом учений Черноморского флота и войск Одесского особого военного округа в Крым прибыл и командующий войсками ОдОВО генерал-полковник *Я. Т. Черевиченко*, который принимал прибывшие войска 9-го Особого стрелкового корпуса. То, что *Яков Тимофеевич* присутствовал в Крыму 9—12 июня и инспектировал войска 9-го корпуса, подтвердил и Маршал Советского Союза *Матвей Васильевич Захаров* (см. журнал «Вопросы истории» № 5 за 1970 г.).

В послевоенные годы советские историки, а также военачальники, в том числе и *Н. Г. Кузнецов*, и *Я. Т. Черевиченко*, другие, находившиеся под жестким прессом коммунистической идеологии, не указывали, что на территорию Одесского особого военного округа прибыла 9-я Особая армия под командованием генерал-лейтенанта *И. С. Конева* (будущего дважды Героя Советского Союза, кавалера ордена «Победа», Маршала Советского Союза). Ни *И. Конев*, ни его заме-

стититель в то время генерал-лейтенант М. Рейтер (впоследствии генерал армии) об этом тоже нигде не вспоминают! И получается, что генерал Я. Черевиченко... даже не знал о передислокации армии с востока на территорию вверенного ему округа. Если почитать мемуары дважды Героя Советского Союза генерала армии П. И. Батова, то увидим, что Павел Иванович *пропускает* в своих воспоминаниях о войне самое важное: когда он готовил 9-й корпус к войне в Закавказье, он одновременно был и заместителем командующего войсками Закавказского военного округа. Однако Батов не объясняет, что означает «*особый корпус*», какие отборные солдаты в нем служат и почему части и соединения корпуса отрабатывают элементы оперативной посадки войск и погрузки боевой техники и вооружения на боевые корабли Черноморского флота! И еще – отрабатывают условия дальнейшей высадки на чужой берег с целью захвата или разгрома (поджога) нефтяных вышек и скважин.

Павел Иванович, писавший свои мемуары, надо полагать, забыл, почему в корпусе, которым он командует, осуществляется небывалая даже по сталинским стандартам, сформированным во второй половине 30-х годов, пропаганда «*освободительной войны на территории агрессора*».

И *почему* эту спецпропаганду осуществляют специально для этого прибывшие специалисты из ЦК ВКП(б), наркомата внутренних дел, Главного управления государственной безопасности и Главного управления политической пропаганды

Красной армии и флота?

И почему 13 июня 1941 г. личный состав частей и соединений 9-го Особого стрелкового корпуса, вплоть до рядовых красноармейцев, получил русско-румынские разговорники?

Осторожные высказывания об этом можно найти в мемуарах некоторых военачальников, но только не у Павла Ивановича, командовавшего этим самым корпусом. Зато «выдающийся полководец» П. И. Батов, удостоенный за годы войны семи орденов Ленина, полководческих орденов Суворова и Кутузова, двух Золотых Звезд, не забыл вписать в свои мемуары, что 11-я армия вермахта под командованием генерал-полковника Эриха фон Манштейна, оседлавшая Перекопский перешеек, «значительно превосходила силы Крымского фронта по количеству войск в 3–4 раза и почти в 4 раза – по количеству танков, почти в 5 раз – в авиации и в 3 раза – по артиллерии»... Да, это же надо было так лгать... тогда как на самом деле корпус Батова по всем вышеперечисленным параметрам *превосходил* 75-тысячную группировку 11-й армии вермахта по крайней мере в 5–6 раз!

Да, невероятные «чудеса» безграмотности и трусости проявили высший и старший командный состав не только 9-го корпуса, но и трех советских объединений (армий), заседавших позже на Керченском полуострове.

Ложью прикрывалась трусость высшего командного состава Крымфронта и ЧФ, ложью подпитывалась идеология советской страны; как всегда (навсегда?!), скрывалось и

нежелание советских солдат воевать за чуждые им интересы «большевизма – социализма – коммунизма».

Об этом же говорил и товарищ Сталин с членом Ордена, масоном и всемогущим американцем, уполномоченным президента США Ф. Рузвельта – Авереллом Гарриманом; тогда Сталин сказал: *«Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... может быть, будет сражаться за Россию»* (см. Б. Николаевский. «Тайные страницы». А также: Энтони Саттон. «Уолл-стрит и большевицкая революция»).

Не писали советские полководцы о том, *что* и *как* происходило в СССР в канун немецкой агрессии, и не связывали воедино учения 9-го Особого стрелкового корпуса, 3-го воздушно-десантного корпуса и 14-го стрелкового корпуса, который проводил учения по высадке своих дивизий с кораблей Дунайской флотилии, тогда как 3-й ВДК десантировался с самолетов и планеров. Учения этих высших соединений проводились во взаимодействии с Черноморским флотом и были связаны по месту, времени, целям и задачам.

А ведь это не что иное, как, в соответствии с секретным планом «Гроза», учения гигантских масштабов различных родов Вооруженных сил СССР, имеют конкретную цель: наступление. Это одиум войны (преддверие), как говорил маршал Шапошников, прикрывая мудреным словом наступательную сущность главного.

Далее более подробно будет освещена катастрофа Крымского фронта и участие в ней трех объединений Красной армии этого фронта, 9-го Особого стрелкового корпуса, Отдельной Приморской армии и ЧФ.

В канун вторжения германского вермахта в стране сжатыми и жесткими темпами формировались три сверхударные армии; и это было уникальное явление в самой природе и сути *армий вторжения СССР*.

Но и среди этих сверхмощных трех армий выделялась одна — с тем самым, что и корпус, магическим числом: *9-я армия*; она особо проявила себя в финской кампании, после которой словно бы... растворилась, растаяла на необъятных просторах огромного СССР. И, казалось бы неожиданно, по прошествии недолгого времени объявилась под прикрытием Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. (подписанного вечером 13-го, а переданного по радио рано утром 14-го); но армия еще недоукомплектована, и к 13–14 июня была еще не достроенной структурой самого мощного объединения мира.

В ее составе 6 корпусов, а к 5 июля 1941 года (накануне вторжения) планируется ввести еще 3 корпуса; а пока эти 6 корпусов включают 2 механизированные и одну кавалерийскую дивизии, 8 стрелковых дивизий. К 21 июня 1941 г. 9-я армия *уже насчитывает* 27 дивизий, в том числе 2 авиационные, 2 механизированные, 2 кавалерийские, 4 танко-

вые, 17 стрелковых. В целом такими же быстрыми темпами идет формирование и еще двух сверхударных армий, но в состав 9-й армии предполагают включить еще и 27-й мехкорпус под командованием генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова, – кстати, ставшего одним из главных героев событий Черноморского флота 1941–1942 годов.

Генерал Петров, бывший до этого начальником военного училища, сформировал корпус в Туркестанском военном округе (ТуркВО), затем перебросил этот корпус на запад. После того как его включили в состав 9-й армии, в ней будет насчитываться уже 30 дивизий. Ну а до 1 июля 1941 года запланировано сформировать еще 15 дивизий, включая 6 танковых; всего же будет – небывалая мощь! – 45 дивизий, как и запланировано стратегическим планом «Гроза», долженствующим осуществиться 6 июля 1941 года.

И если считать, что полное укомплектование 9-й армии завершится к 1 июля 1941 года, то в ней будет уже 3350 танков – *такого количества танков ни в одной армии мира никогда не было!* По другим сведениям, более 4000 танков. Количество этих танков только в одной-единственной советской армии практически соответствует количеству всех танков германского вермахта. Командует же сверхударной армией генерал-полковник Павел Белов, и на тот момент он – единственный человек, командующий самой огромной армией в таком воинском звании.

Во всей армии СССР тогда было восемь генерал-полков-

ников; в авиации — ни одного, в НКВД — ни одного, в танковых — ни одного, а во главе *тридцати одной (!) советской армии* (объединений) генерал-майоры и генерал-лейтенанты. *Двадцать одна* армия уже развернута в Первом стратегическом эшелоне, а *десять* НЕ показанных на официальных картах Генштаба ВС СССР армий размещены в тылу этих двадцати одной армии. Соответствующее генерал-полковнику воинское звание в ВМФ — адмирал — имеется лишь у троих: у Н. Г. Кузнецова, И. С. Исакова и Л. М. Галлера.

В первой половине июня 1941 г. — по указанию Сталина и согласно директиве наркома обороны и начальника Генштаба — самые мощные три армии входили в завершающую стадию формирования.

Причем 9-я армия создается вблизи границ с Румынией. Первые ее соединения появились здесь еще в июне 1940-го. Ровно через год под прикрытием Сообщения ТАСС от 13 июня она в своей могучей целостности появляется там, где год назад было завершено так называемое «*освобождение западных народов*». И коли впереди наступление, то целью армии будет Румыния, как основной источник нефти для Германии. При нанесении удара по Румынии Германия останется без нефти, а значит, произойдет остановка всей боевой техники: самолетов, танков, машин, кораблей, транспорта и всей промышленности; ибо нефть — кровь войны. А удар по Румынии мощностью сверхударной 9-й армии — прямое попада-

ние в сердце Третьего рейха.

С целью поразить сердце Германии в 9-й армии были собраны самые перспективные военачальники. Штаб 9-й армии и штаб Одесского особого военного округа сливаются в единый оперативно-стратегический механизм, могущий так же просто разъединяться. В день Сообщения ТАСС это разъединение и было осуществлено. Что касается слияния, то оно осуществлялось для того, чтобы абвер (начальник адмирал Фридрих Вильгельм Канарис) и VI управление РСХА «Аусланд СД» (начальник оберфюрер СС Хайнц Мария Карл Йост) обнаружили... внезапное исчезновение 9-й армии; тогда как она не исчезала, а притаилась под прикрытием слияния со штабом ОдОВО.

После того, как первый командующий генерал-полковник Белов был расстрелян органами НКВД как «враг народа», его заменил относительно молодой и дерзкий генерал-майор *Родион Яковлевич Малиновский* (впоследствии – член ЦК КПСС, министр обороны СССР, дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена «Победа», Маршал Советского Союза). Через четыре года после вступления в должность командующего 9-й армией Малиновский поразит мир потрясающим броском через пустыню Гоби и горы Хингана на гигантскую оперативную глубину в Маньчжурии, командуя войсками Забайкальского фронта.

В 1941 г. перед генералом Малиновским и его штабом, командирами соединений 9-й армии стояла сложнейшая за-

дача: им предстояло пройти 180 км, правда по вполне хорошим дорогам, и нанести удар по румынской армии. Конечно, в 1945-м, чтобы нанести удар по мощной Квантунской армии, довелось пройти по горам и пустыни целых 810 км. Сложность первого перехода была в том, что Малиновский лишь теоретически представлял, что его ждет, ибо ни один генерал в мире не имел в своем распоряжении столько техники, вооружений и боеприпасов, сколько имел он. У него в 9-й армии было в три раза больше танков, чем в любой из танковых армий СССР в 1945 году! Но вермахт сорвал эту задачу...

Столь подробным освещением подготовки к агрессивной войне СССР против Германии на юге страны я предполагаю рассмотреть, какова была роль сухопутных сил на этом участке в соответствии с планом «Гроза» и какая роль в этом отводилась Черноморскому флоту. Уже при таком раскладе хорошо видно, что роль самого южного флота была весьма несложной, скорей, вспомогательной. Никаких морских батальи не планировалось, и не удивительно, что обстоятельный и обаятельный маршал Шапошников, так любезно относившийся к Николаю Герасимовичу Кузнецову, деликатно уклонялся от более подробного и, естественно, запрещенного объяснения о том, что, как и когда будет осуществляться.

Глава 6

Переломная дата в истории СССР

Важно напомнить, что 5 мая 1941 года в Кремле состоялся прием выпускников военных академий Красной армии и флота, на котором Сталин выступил с «секретной» речью, заявив, что *«война с Германией начнется не раньше 1942 года»*, т. е. по завершении пятилетки.

Если судить об этой фразе с расстояния из нашего времени без учета разнообразных нюансов (отчасти уже перечисленных выше), то Сталин, сделав такое заявление, «совершил политический просчет» и ошибся в сроках начала войны.

Но так ли это?

Представим себе Кремль, Георгиевский зал и сидящих *академиков*, как тогда называли выпускников военных академий. Не сотни, а тысячи пар вожделенных глаз, отрешившись от всего мира, сопровождают малейшее движение вождя, не сотни, а тысячи ушей внимают его словам и... вождь своим заявлением снимает напряжение с выпускников, ставит перед ними задачу: *не сегодня*. Кроме того, Сталин знает, что как бы ни старалась контрразведка, а среди этих выпускников могут оказаться враги и любой срок, произнесенный им, станет достоянием общественности. А чтобы это

предотвратить, надо сделать коварное заявление именно перед элитой Вооруженных сил, которых на протяжении всей учебы в академиях готовили только к наступательным операциям против врага; *наступать!* – иного понимания дальнейшей миссии для своих учеников профессорско-преподавательский состав не предусматривал.

В Кремле Сталина слушают не только выпускники и ученые, но и верховное политическое руководство партии и правительства, высший командный состав Красной армии и РККФ, среди которых и адмирал Н. Г. Кузнецов.

О выступлении генсека проинформированы все командиры соединений и командующие объединениями всех вооруженных формирований СССР, но среди слушателей – и те, кто по приказу Сталина должны осуществить *утечку* некоторых моментов речи вождя. При этом он не сомневался, что найдутся и те, кто эту утечку осуществит самостоятельно. Не исключено, что удастся выявить всех «незапланированных» возможных информаторов противника и через них дезинформировать противную сторону, вводя в заблуждение в части, касающейся осуществления плана «Гроза».

Речь Сталина не была опубликована в печати; но ее содержание знают тысячи людей, слушавших его. Это не парадокс, а тщательно спланированная акция, и Николай Герасимович оставляет потомкам запись, что тогда же была разработана директива Генштаба: «...очень важная директива, нацеливающая командующих округов и флотов на Германию, как

на самого вероятного противника в будущей войне» (из его книги «Накануне»). Директива от 5 мая была отдана, но срок начала войны в ней не указан, указано лишь, что следует ждать условного сигнала и быть готовым *в любой момент* начать боевые действия. Эта фраза, помимо всех поступавших сведений, более всего беспокоила военное командование Германии, результатом чего стало введение в действие плана «Барбаросса», действие, выпавшее на срок за две недели до исполнения плана «Гроза».

На основании секретной директивы от 5 мая 1941 г. уже 15 июня были отданы приказы командованию соединениями и объединениями Красной армии; круг *посвященных* расширился до нескольких сотен командиров. А за день до этого, 14 июня 1941 г., ТАСС передает сообщение о том, что СССР не собирается нападать на Германию и перебрасывает часть армии на запад страны в связи с учениями. Тогда как генералам отдается приказ в любой момент быть готовыми к захвату чужой территории.

Но командование вермахта, как и политическое руководство Германии, усомнилось в подобном заявлении советского правительства, как и в том, что СССР нападет на Германию только в 1942 году.

13 июня 1941 г. является одной из переломных дат в истории СССР. Ибо в этот день по всей стране *началась* титаническая работа по переброске такого огромного количе-

ства войск, что с этой задачей едва справлялся наркомат путей сообщения. Задействованными оказались почти все наркоматы и ведомства Советской страны. В этой обстановке в военных штабах столицы царило жесточайшее напряжение, связанное с небывалой тайной передислокацией войск, которые должны были образовать Второй стратегический эшелон Красной армии. Численный состав его составлял более 100 танковых, моторизованных и стрелковых дивизий, не считая десятков отдельных полков и сотен отдельных батальонов.

Напомним, что состав Первого стратегического эшелона состоял из тридцати одной армии, в которые входило более 300 дивизий и самая мощная группировка армии, сосредоточенная на румынской границе, имевшая целью отрезать нефтепромыслы Плоешти от Германии. (Вспомним фразу из разговора Черчилля и Рузвельта на конференции в Касабланке о генерал-майоре Шарле де Голле. «Что он против Сталина, – задал риторический вопрос Черчилль, – у которого триста дивизий за спиной?» Фраза эта сказана в середине войны, а в первые часы войны СССР и Германии тот же Черчилль сказал Рузвельту: «Не сомневайтесь, дядя Дžo (т. е. Сталин) разобьет Гитлера, ведь у него только на границе не менее трехсот дивизий».)

13 июня 1941 г. были также осуществлены некоторые шаги сталинской дипломатии.

Так, в Лондоне состоялась встреча советского посла Ивана Михайловича Майского (наст. Штейнман) с министром

иностранных дел (Форрин-офиса) Великобритании Энтони Иденом, на которой Майский разыграл спектакль с топанием ногами и требованием отозвать британского посла в Москве Криппса. Когда впоследствии Майскому задали вопрос, с чем связана подобная бестактность его поведения, он ответил, что... встреча прошла в дружественной обстановке на пользу народам двух стран.

Одновременно советские дипломаты вели переговоры с Германией о Польше. Были также осуществлены встречи на уровне советского посла и руководства Госдепа США.

Глава 7

Когда действия генералов потребуют контроля...

Буквально через несколько часов после сообщения ТАСС утром 14 июня 1941 года Николай Герасимович, приехав на службу, сразу же углубился в чтение оперативных документов и сводок, пришедших с флотов. К сожалению, они не радовали; о предварительных результатах учений сообщал из Севастополя начальник ГМШ адмирал Исаков; отдельная информация об этом от командующего вице-адмирала Октябрьского пока не поступила.

Николай Герасимович взглянул на аппарат ВЧ, собираясь позвонить в Севастополь, как дверь приоткрылась и вошел член Военного совета – начальник Главного управления политической пропаганды РККФ, армейский комиссар 2-го ранга Иван Васильевич Рогов. Поздоровавшись, Иван Васильевич сообщил о своей встрече с членом Военного совета РККФ, членом Политбюро ЦК ВКП(б), секретарем ЦК ВКП(б), первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Андреем Александровичем Ждановым, с которым они обсудили тему дальнейшего укрепления партийной линии на кораблях и в частях флота.

Кузнецов, хорошо зная заместителя по политчасти и ни-

чем не выказывая своего отношения, отодвинув рабочие документы, приготовился слушать. Тот, воспользовавшись этим, сразу же начал повествовать, да так, словно перед ним был не нарком Военно-морского флота страны и член ЦК ВКП(б), а выпускник училища, только что одевший китель с нашивками лейтенанта:

– Вот вам расклад... товарищ Сталин, подчеркивая особую значимость нашей партии, имеет в виду, что наверху ее руководящие слои составляют около 4000 высших руководителей. Я бы это назвал генералитетом нашей партии. Далее идут 40 000 средних руководителей, что образно можно сравнить с командирами Красной армии и флота. Еще ниже насчитывается около 200 000 низшего партийного руководящего состава. Это, можно сказать, наше партийное офицерство...

Николай Герасимович читал об этом в газете «Правда» еще 29 марта 1937 г. и в директивном постановлении ЦК партии в апреле 1941 г.; не единожды и Рогов распинаялся на подобную тему; ни единым мускулом на лице не выдал нарком своего неудовольствия и продолжал внимать интерпретации газетной статьи и директивы устами начальника Главного управления политпропаганды.

– Как вы помните, партия, чтобы не загнивала, осуществила чистки в своих рядах. После чего начала новый этап, и этап этот пошел с конца 38-го года, с XVIII съезда ВКП(б). Мы должны иметь в виду, что структуры партии: райкомы,

горкомы, обкомы, крайкомы, ЦК союзных республик – это властные структуры государства. И действуют они централизованно... Ну а в наших флотских структурах все коммунистические ячейки должны действовать с утроенной силой... через военные отделы наша партия осуществляет контроль всего процесса подготовки к войне, контролирует мобилизационные запасы, перевод промышленности, сельского хозяйства, связи и транспорта на военные рельсы. Партия руководит сложнейшим и архитрудным процессом подготовки всего нашего народа к войне. Вы, Николай Герасимович, не могли не заметить, что в последнее время все партийные работники, начиная от ЦК ВКП(б) до низовых партийных звеньев одели серо-зеленые защитные гимнастерки и португепи, да обули командирские сапоги, а? Вот ведь как, ЦК партии укрепил флотские и воинские ряды своими кадрами. Какова взаимосвязь! В начале 1941 года организован был набор генералов и адмиралов в кандидаты и члены ЦК ВКП(б). Так грань между партией и Вооруженными силами практически стерлась...

Николай Герасимович, слушая собеседника, наверняка пришедшего не только поговорить, но и так, по долгу службы, присмотреть за ним, никак не реагировал, если не считать легкого утвердительного покачивания головой. Пока ничего нового Рогов не сказал; конечно, Кузнецов знал, что помимо 4000 коммунистов, которые были определены на политработу в РККА и флот, в августе 1939 г. Политбюро ЦК

ВКП(б) приняло ряд важнейших постановлений, после осуществления которых в том же году в армии и на флоте в числе руководящих политработников было уже 190 000 коммунистов. А к маю текущего, 1941 года армия коммунистов составляет уже более 600 000!

Итак, 4000 коммунистов послали на партийную работу на уровень рот и кораблей 4-го и 3-го ранга, а также в боевые части кораблей 2-го и 1-го ранга. Но в 1939 г. было внесено предложение о ликвидации должностей политработников на ротном уровне, после чего эти должности стали сокращать.

Что из этого получилось?

После этой реорганизации количество солдат и матросов увеличилось более чем в 6 раз, а число политработников сократилось в 5 раз, ведь на уровне батальона, командира корабля 3-го ранга остался только один политработник. В этом, казалось бы, суть экономии, ибо из высвободившихся людей можно сформировать боевые подразделения. Но... это если считать в количественном соотношении относительно рядовых солдат. А политработник, как не раз утверждал и Рогов, «стоит десяти, а то и более красноармейцев и краснофлотцев». Исходя из подобной оценки, были пересмотрены подходы формирования политработников в РККА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.